

WW#E

ЭРА
ПАДАЮЩИХ
ЗВЁЗД

И. АЗЕРИН

WW#3

Игорь Азерин
Эра падающих звёзд

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Азерин И.

Эра падающих звёзд / И. Азерин — «ЛитРес: Самиздат»,
2019 — (WW#3)

Не имея оружия – призываешь к миру, вооружившись – диктуешь условия
мира.

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	10
Глава третья	15
Глава четвёртая	21
Глава пятая	28
Глава шестая	31
Глава седьмая	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Глава первая

Кадушкин рассказывал.

Берут подозреваемого и везут на Старомышль. Там кратер от наземного взрыва нейтронной «кобальтовой» бомбы и, соответственно, зона оцеплена по периметру. Оцепление – просто флажки каждые тридцать метров, и местами натянута бечёвка, с какими-то красными повязками. Зона никак не охраняется, да и зачем? Так вот, вблизи кратера – остатки железной дороги. Метров триста путей разворочено взрывом: рельсы со шпалами подняты над землёй. «Радим¹» здесь не просто трещит, а вопит!

Сами дознаватели и опера надевают на себя «комбезы²» и «ресы³», а вот подозреваемого подвозят в одних трусах. Ежели женщина, что тоже случается, то и на ней из одежды оставляют минимум. Исключительно из заботы о несчастных, потому что от тряпья после этой процедуры лучше избавиться. Некоторые опера – возможно, в приливе прозорливого сострадания – вообще раздевают догола своих подопечных.

Наручниками пристёгивают подозреваемого к рельсу, поблизости оставляют радим с подсаженными аккумуляторами: с подсаженными – чтобы быстрее выдохся... это ох как стимулирует дачу показаний. Прибор-то списать надо давно – он фонит как кусок радия, – но его хранят (для таких инсценировок) в специальном месте и обращаются с ним осторожно. Кладут радим возле подозреваемого так, чтобы тот не дотянулся, включают – и уезжают за периметр.

Остаться наедине с вопящим радиометром в паре сотен метров от кратера – испытание серьёзное. Иногда приходится спустя двадцать-тридцать минут возвращаться, чтобы проверить готовность задержанного к общению, но чаще при первых же сигналах радима человек начинает умолять вывезти его из зоны и соглашается поведать о самых сокровенных тайнах. Обычно прямо на месте и начинается дача показаний, только успевай запоминать и записывать. Опера не спешат, дают выговориться.

Благодаря беспримёрной словоохотливости Кадушкина приём с радиометром стал широко применяться в Новосибирском районе, а некоторые другие методы дознания (типа, долгих мучительных допросов) теряли былую популярность. Причём пленных и подозреваемых в диверсионной деятельности возили к одному из кратеров, оставшихся от воздушного взрыва. Радиация в нём повышенная, но не смертельная – хоть месяц там торчи, – однако знают об этом только местные. А вот подсаженные аккумуляторы – изуверство чистой воды. Радим настраивают так, чтобы трещал на естественный фон во всю мощь, и когда он, растягивая звук, издыхает через двадцать минут... Ну, кому охота сгнить заживо?

Кадушкин Денис Вадимович был ныне в звании младшего лейтенанта, а в последние дни прошлой жизни – тянул чиновничью ляжку (работал в многофункциональном центре на должности операциониста отдела оформления загранпаспортов). В той же жизни имел два увлечения: историческая реконструкция и выживание. Оба увлечения, в разной мере, помогли ему, когда началась война. Услышав сигнал тревожного оповещения, он ни на мгновение не засомневался, что всё серьёзно. Первый удар переждал в соседнем квартале в подвальном бомбоубежище, о котором даже из местных мало кто знал. Прихватил кота Бориса, громадную рыжую скотину девяти лет с разноцветными глазами – и бегом, бегом!

Из-за кота, между прочим, натерпелся от окружающих. В маленькое старое бомбоубежище умирающего завода набежало столько людей, что просто сказать «много» – значит, сильно преуменьшить масштабы столпотворения. Кто-то был с кошкой, кто-то – с собакой, а

¹ «Радим» – сленговое, обиходное название радиометра.

² «Комбез» – ОЗК или иное обмундирование для защиты от радиации (новый сленг).

³ «Рес» – обобщённое название респираторов и противогазов (новый сленг).

двое граждан пенсионного возраста (муж с женой) притащили клетку с канарейками. Эти двое сразу же стали распространять слух о том, что птицы чувствуют радиацию. На вопрос, в чём это выражается (уж не поют ли?!), птичники отвечали расплывчато: мол, «птица нервничает». А канарейки уже нервничали – ожесточённо металась внутри клетки из-за смены обстановки. Как хозяин отличит текущую нервозность от радиационной, оставалось неясным, и народ с тревогой посматривал на птичек.

Кот же смотрел на них, не сводя глаз и не скрывая охотничьего азарта. Он потерял покой, напрягся и стремился подкрасться ближе к лимонно-пёстрым датчикам радиоактивности. Так продолжалось, пока пенсионер не пожалился над пернатыми и не накрыл клетку платком.

Позже, когда коту пришло время сходить в туалет, это стало целой проблемой. Впрочем, она касалась всех «животноводов»... или почти всех, если учесть, что с рыбками и хомяками никого замечено не было, – в выигрышной ситуации находились хозяева карликовых глазастых восточноазиатских собачек, чьи питомцы могут справлять нужду не только подозрительно редко, но и достаточно незаметно.

По прошествии нескольких дней, когда массированные ядерные атаки прекратились и война перешла в фазу ультиматумов и точечных бомбардировок, а население стало как-то организовываться, трудности с котом не закончились. Защитить густую шерсть животного от радиоактивной пыли было, может быть, и не самым сложным делом, но пошли разъезды, начавшиеся с того, что пришлось покинуть квартиру с вынесенными напроочь окнами, оставшуюся без воды, отопления, электричества. Вскоре кот потерялся. Так Кадушкин остался один. С женой расстался три года назад, родичи далеко и связь с ними оборвалась, а теперь и любимый котяра...

Тридцатиоднолетний Денис был среднего роста, круглолиц, склонен к полноте из-за ширококостности. Характером обладал общительным и лёгким, ввиду чего моментально сходился почти со всеми и в любой компании становился своим. Подобно солдату Швейку, чуть ли не ко всякому событию он находил рассказ-иллюстрацию. Бывало, что возникали сомнения в подлинности его воспоминаний или пересказа, но редко кто заострял на этом внимание.

В отдел Кадушкин был зачислен три месяца назад. Тогда на утренней планёрке капитан Сильвиоков объявил Ильяску:

– Рахматуллин, к тебе сегодня человек поступит, вместо Кабурмина. До нас доберется, скорее всего, к вечеру.

– Откуда?

– Из Тальменки. Он там с баба'ха в следственном⁴ работал, так что человек с опытом, хотя и с небольшим. Устроишь его в общажник наш на Тургенева.

«Бабахом» Сильвиоков, как и многие другие, называл начало войны, а «общажником» был деревянный двухэтажный дом на улице Тургенева, используемый ныне под совместное общежитие контрдиверсионного отдела (КДО), в котором Ильяс работал уже больше семи месяцев, и районного отдела полиции.

Покинув Новосибирск в эвакуационной колонне, вскоре он с семьёй оказался в лагере временного проживания на западе области. Лагерь был палаточный, располагался возле посёлка и железнодорожной станции. Беженцы сами ставили палатки, хозяйственные и санитарные постройки, несли дежурство. На первых порах топлива для мобильных генераторов хватало, но электричество подавалось лишь на объекты повышенной важности (медпункт, кухня). С водой особых проблем не ощущалось, однако еды не доставало.

Уже на вторые сутки долетели слухи, что ряд регионов не подвергался удару, и среди них Татария. В начале третьих суток, когда Ильяс пытался найти для жены и детей попутку, чтобы отправить их к родителям в Елабугу, по Новосибирску и позиционному району к северо-

⁴ Следственный комитет Российской Федерации.

востоку от города снова был нанесён удар. Ближе к вечеру на запад ушёл пассажирский эшелон – в нём и уехала семья Ильяса. А он, как приписанный к временному военкоматному участку, остался ждать в лагере распределения.

Всеобщая мобилизация проваливалась. Настоящая паника началась примерно на третьи сутки, когда на Россию обрушилась новая мощная атака стратегическими ракетами и ракетами средней и малой дальности. Это вступили в бой подтянувшиеся к российским рубежам оперативные и оперативно-тактические соединения НАТО. После двух дней непрерывного нервного напряжения, ухудшение ситуации приводило людей в ужас.

Армия воевала. Армия стояла и сопротивлялась, наносила ответные удары и удерживала позиции, но она была как бы сама по себе. Словно официанты на свадьбе в ресторане – они вроде бы тут, носятся, что-то таскают, о чём-то перешёптываются, с озабоченным видом оглядывая столы, но их, по большому счёту, никто не желает замечать, разве что начнёт предьявлять претензии какой-то упившийся гость. Так и армия – отстреливалась со своих позиционных районов, вкапывалась в землю или пыталась уйти от испепеляющих ударов, совершала налёты на скопления войск противника, перебрасывала технику и запасы со складов... и пыталась восполнить потери. Но тыл фактически сдался.

Население разделилось. Очень немногие готовы были биться, самоорганизовываться, спасти страну. Некоторое число людей сразу стало шакалить: заниматься воровством, грабежами, насилием. Но больше всего было тех, кто согласился бы собственноручно подписать любой акт о капитуляции и встать на колени перед кем угодно, лишь бы не было войны. Ещё вчера эта масса своими воплями «Россия!», «Мы победим!» и «Вперёд, Россия!» оглашала стадионы и площади, кричала в телекамеры – а столкнувшись с реальной силой и угрозой для здоровья и жизни, превратилась в жалкое блеющее стадо. И кому-то надо было это стадо поднимать на уровень человеческого общества.

Ильяс не сразу попал в контрдиверсионный отдел. В лагере на четвёртые сутки его зачислили в отряд спасателей, которых отправляли на работы в Новосибирск. Набирали в первую очередь медиков и физически крепких мужчин. Приветствовалось и знание основ радиационной, химической и биологической безопасности, хотя инструктаж перед выездом на работы обязательно проводился.

От военных стало известно, что после ракетно-ядерного удара, звуки которого прокатывались по окрестностям лагеря с громкостью железнодорожного состава, а на горизонте были видны отсветы, Соединённые Штаты вновь выдвинули ультиматум. Вообще почти все новости из других городов и областей приходили от военных – мобильная связь, Интернет и телевидение отсутствовали. В искажаемом помехами радиоэфире было две станции – «Радио России» и «Маяк», но их сообщения были крайне скудны. На третьи сутки конфликта была восстановлена работа ОКСИОН, но и она транслировала мало новостей. Что по сетям МЧС, что по радио в основном шло оповещение жителей области об очагах заражения, о районах возможного выпадения радиоактивных осадков и бесконечно повторялись правила безопасности. По несколько часов в день транслировались списки людей, которых искали родственники, соседи, знакомые.

И вот на пятые сутки войны Ильяс снова был в Новосибирске. Здесь ещё кое-где продолжались пожары – дольше всего горели крупные торговые центры, строительные рынки и склады. Отряд должен был оказывать помощь горожанам, оставшимся в зоне бедствия, и выводить их в безопасные районы. Помогали старикам, потерявшим детей, инвалидам, тяжело больным. В подвалах прятались несчастные, которые либо тронулись умом от страха, либо были близки к этому. Голодные, обессиленные от жажды, с выпученными глазами, часто пахнущие испражнениями собственных тел, они сопротивлялись, они не верили что в пяти метрах от их логова, за дверью, не убьёт радиация, не обожжёт вспышка ядерного взрыва, не разобьёт о стену дома ударной волной.

В зоне Г и В⁵, то есть в непосредственной близости от центра ядерного взрыва, в первые несколько суток спасательных работ не проводилось (только замеры), из-за неоправданного риска для самих спасателей, но пострадавшие там были. Их называли «временно выжившие». Это люди с увечьями, ожогами и получившие большие дозы облучения. У некоторых хватало сил пройти три-четыре километра, не больше, и часто последние несколько сотен метров они проползали. Самое страшное зрелище из всего, что доводилось видеть Ильясу. В ошмётках отслаивающейся кожи, потерявшие зрение и слух, частично утратившие чувствительность, они ползли, оставляя за собой грязно-коричневый след.

Отряду была поставлена задача прочесать участок в несколько кварталов, времени отводилось четыре часа. К началу работ уровень радиации там ещё превышал норму, но для защищённого человека не представлял особой опасности и, например, к противогазу ГП-7 выдавалась только одна фильтрующая коробка на две рабочие четырёхчасовые смены. С собой брали флягу с водой, пять ватно-марлевых повязок на случай, если придётся выводить людей, блокнот с ручкой – записывать имена, адреса, просьбы – и мел, чтобы оставлять знаки в проверенных местах (кружок – помещение проверено, людей нет, крест – заперто, никто не отозвался, галка – остаются люди).

Старший отряда с мегафоном ходил возле домов и оповещал о возможности немедленно эвакуироваться или получить необходимую помощь, остальные – обходили подвалы, стучали в квартиры, где было возможно – заглядывали в окна, а также в магазины, гаражи, автомобильные фургоны...

В городе оставалось немало людей. Большинство из них сидели в домах и квартирах, завесив разбитые окна пледами или постельным бельём, и ждали возвращения кого-то из близких.

Среди десятков людей, найденных Рахматуллиным в полуразрушенном городе, первой была семья инвалидов. Мать – глухая от рождения и её сын – полупарализованный десятилетний мальчик. Она, разумеется, не могла услышать сигнала оповещения в тот утренний час первого налёта (ещё спала), а мальчик плохо понимал, что происходит, и не мог разбудить её. Отца семейства, тоже имевшего повреждения зрения и слуха, дома не было. Он работал на одном из заводов, в цеху для инвалидов. Производство перебивалось мелочью, а тут неожиданно выиграла достаточно внушительный контракт – но очень срочный. Ввели круглосуточный график, и люди были только рады: в кои-то веки появилась возможность нормально подзаработать. Вот в утро начала войны он и не вернулся с ночной смены. Было известно, что невдалеке от завода произошёл один из взрывов, но женщина ждала. Надеялась и ждала.

Две недели Ильяс пробыл в поисково-спасательном отряде. Насмотрелся, конечно, всякого. Попадались и охотники на чужое имущество. Спецы ГО почти ежедневно проводили радиационно-химическую разведку в городе и пригородах, для уточнения границ зон заражения, и выставляли предупредительные знаки – мародёры по ним определяли запретные районы и безопасную длительность пребывания в них. Но тогда ещё этих шакалов было мало, они не успели сбиться в банды, набраться опыта и заматереть.

В те первые дни войны в Поволжье, на Урале и в Сибири и ещё не развернули работу диверсионные группы, но на западе в приграничных областях уже замечались вспышки разновидностей чумы, холеры, оспы и других, порою трудноопределимых болезней. Были там и случаи отравления сильнейшими ядами водных резервуаров и зерновых хранилищ. В Центральной и Восточной России разрасталась анархия и преступность, не с первых дней, а спустя несколько недель – когда стало понятно, что война затянется надолго и от ядерного оружия, каким бы мощным оно ни было, вполне можно спастись. Появились бандитские группировки,

⁵ Принято разделять районы радиационного поражения на четыре зоны, в зависимости от уровня радиации – А, Б, В, и Г. Наивысший уровень в зоне Г, ближайшей к эпицентру и в подветренной стороне.

которые словно соревновались в жестокости и бессмысленных убийствах. В условиях страха и слабой власти на местах, привыкшей за десятилетия к безынициативному существованию, молодые здоровые мужчины (а вслед им и женщины) уходили в банды. Уходили, чтобы прокормить себя грабежами, а зверствовали, чтобы получить опасливое и уважительное расположение своих убудочных собратьев. Царила безнаказанность.

Глава вторая

Эван Рэтлиф по прозвищу Крыса притаился на опушке леса в полусотне шагов от озёрного берега. В положении лёжа он прильнул к прицелу снайперской винтовки.

Ниже живота заныло от возбуждения. Ах как заныло!

«Девчонка! Точно девчонка! Совсем одна!»

Он быстро положил оружие на землю и поднёс к глазам бинокль. Поводил им влево-вправо, высматривая, нет ли ещё кого-то рядом с ней.

«Ну точно – одна!»

Крыса облизнул губы и, выдыхая, тихо простонал.

«Сколько ей лет? Свеженькая! Видно, что свеженькая! И больше нет никого рядом!»

Возле девчонки крутилась только какая-то собака. Лохматая, довольно крупная, но всего лишь собака. Впрочем, будь даже рядом с девчонкой, например, парень, вряд ли это расстроило бы Эвана.

Рэтлиф был невысок, сух, подвижен. Лет – около тридцати, хотя сейчас какой-нибудь незнакомец мог бы дать ему тридцать пять, а может, и сорок. И дело не только в густой чёрной бороде, которую он время от времени подстригал ножницами, но и в загорелости, немытости, да и вообще в его образе жизни в последние несколько недель.

Шатен с карими глазами и мясистыми губами – он располагал к себе женщин, но почти все они довольно быстро разрывали с ним связь. А причиной было то, что он делал женщинам больно. Проходили пять, семь, девять интимных встреч... или неделя, две, месяц отношений... а затем он проявлял грубость. Ему хотелось делать больно. Не бил, нет. А из раза в раз делал больно в момент, когда должен был доставлять удовольствие. Причинял боль словом или резким движением, или пугающей железной хваткой. Весьма и весьма немногие женщины позволяли в отношении себя такого рода грубость и даже садизм.

Вскоре они бросали его, а он расстраивался. И знал о причине, по какой они уходят, но не считал её своей проблемой. «Некоторым из них ведь нравится. Они терпят. И любят меня», – говорил он самому себе. Однако Эван быстро пресыщался теми, которые терпеливо, а порой и возбуждаясь, переносили причиняемую им боль. Срабатывал какой-то внутренний ограничитель, и он терял к этим женщинам интерес. Словно бы удостоверившись в порочности бабьего рода на примере одной из развратных его представительниц, он грубо и решительно прерывал отношения и устремлялся на поиски следующей жертвы.

Рэтлиф, как человек с невысоким интеллектом и формальным воспитанием, делил людей на ближний круг и прочих. С близкими, например, с друзьями, он старался не опускаться до подлости и обмана, а с прочими поступал так, чтобы иметь выгоду или удовольствие, при этом не стесняя себя моральными нормами.

Окончив школу, Эван два года отслужил в армии. Как и многие их тех, кто идёт служить, он стоял перед выбором: флот или морская пехота? И выбрал морскую пехоту. В первый год он оставался в Соединённых Штатах, а на второй – его отправили в Афганистан.

Большую часть времени Рэтлиф провёл на базе, в сравнительно безопасных условиях. Но пороху понюхать ему всё же довелось. Однажды в составе взвода он сопровождал каких-то местных бонз, которые колесили по провинции перед выборами, и на их колонну напали талибы. Рядом с «Хамви», в котором ехал Эван, взорвался мощный фугас. Его контузило. Что происходило дальше, он помнил смутно. Каким-то образом оказался вне повреждённого автомобиля; стрельба, разрывы гранат, свист пуль, крики на пушту и английском; он сам палит куда-то из винтовки, просто палит в сторону от дороги. Постепенно усиливается боль в висках и лбу – ощущение словно переднюю часть черепа придавило двухпудовой гирей, в глазах чуть ли не сумерки, цвета поблёкли, во рту – привкус крови, дышать трудно. И дикий страх.

Он пролежал в госпитале две недели. В первые дни болела грудь, было тяжело дышать, случился раз даже приступ кашля с кровью; ещё дольше не проходила головная боль. После выписки он наблюдался у врачей. Однако до окончания контракта у него оставалось месяца полтора. Рэтлиф решил не продлевать договор – и уволился из вооружённых сил.

Возвратившись в Штаты, он предполагал некоторое время пожить в своё удовольствие, а затем пойти учиться в колледж, ещё до того, как закончится срок, отведённый ему программой Министерства обороны, по которой бывшие военные пользуются денежной льготой. Однако и прежде довольно слабая тяга к учёбе совсем иссякла. И он в течение двух лет просто проживал армейский гонорар, лишь изредка перебиваясь случайным заработком.

Через своего друга Шеймуса Роксби он сошёлся с его братом Стивом. Тот был старше, но тоже недавно отслужил по контракту в морской пехоте (два года, из четырёх армейских, провёл на Ближнем Востоке). Стив и приучил его к героину.

С середины зимы до середины или конца лета они работали в небольшой компании, специализировавшейся на внешней обшивке домов и установке заборов, остальное время – были праздными. Бывало, занимались мелкими махинациями и воровством, обычно, уезжая для этого в соседний штат. Особой нужды в деньгах не испытывали; Рэтлиф ещё получал выплаты за контузию. Так прошло несколько лет.

Между тем Стив умудрился жениться и быстро овдоветь: его жена Клара умерла от передозировки. И тогда Стив Роксби завязал. Конечно, не в одно мгновение...

Сначала он подсел на религию Иеговы⁶. И некто Пит, бывший уже давным-давно в завязке и которому Стив рассказал о своём желании кончить с ширевом, посоветовал: «Тебе надо выйти из собственного окружения. Если серьёзно хочешь завязать, сначала выйди из того круга, в котором ширяешься, – на время исчезни для своих друзей».

А Пит со своими корешами (некоторые тоже был завязавшим) как раз собрался пару недель порыбачить на каком-то озере. Предложил он и Стиву ехать с ними. И Роксби, не предупредив никого, даже Шеймуса, – отчалил. Пробыл на озере три месяца – так ему посоветовал Пит. «Потому что, – сказал он, – месяц – слишком мало, и надо побыть без старого окружения подольше. А одиночество – самое лучшее лекарство от всякого человеческого дерьма».

А ещё он сказал, прощаясь: «Стив, теперь это всё твоё. Небо, озеро и этот берег. Ты – хозяин. Не пускай сюда чужаков с ширевом. Сохрани в сердце берег и эти мгновения. Когда возвратишься в город и в старое окружение, и если тебе захочется ширнуться, то загляни в своё сердце. И помни: если не удержишься, то вода в озере превратится в кровь, и небеса побагровеют и прольются кровавым дождём, и берег изрежут ручьи крови, схлынувшей с гор. Не позволяй случиться этому, Стив Роксби. Ты – хозяин, страж оазиса Иеговы в твоём сердце. Когда тебе станет невмоготу в городе, приезжай сюда. Можешь взять своих корешей. Но не допускай их в мир твоего сердца. Иначе он утонет в собственной крови».

Больше двух месяцев пробыл Стив в одиночестве, если не считать редких встреч с рыбаками, туристами и визитов в магазин, что находился в восьми милях. Пит, кстати, и высылал ему деньги на имя владельца магазина.

А потом Роксби возвратился. Другой человек. Взгляд глубокий, как у Будды, белки глаз светлее одинокого полуденного облака, улыбка – словно у младенца, которому мамаша пощекотала живот.

Завязал Стив, но что касается всего остального, то остался прежним. Мог пропустить полдюжины порций виски в баре или целый день сидеть с друзьями, посасывая пиво. Учение Иеговы задвинул... впрочем, он и не увлекался им особенно – только, чтобы завязать с наркотой. Шеймус, Эван и остальные парни и девки из их круга – продолжали ширяться, а он каким-то образом умудрялся сберечь свой берег – тот, который в сердце.

⁶ «Свидетели Иеговы» – вероучение, религиозная организация, запрещённая в России.

Ну а ближе к следующей осени предложил он Эвану и Шеймусу завязать и поехать с ним на Озеро. Крыса не желал завязывать. И Шеймус не готов был изменить свою жизнь. Тогда Стив, чтобы не замарать чистого берега, застрявшего в его сердце, повёз парней рыбачить в другое место.

Целый месяц они тогда провели в камышовой глухомани соседнего штата и остались довольны. А на следующий год Стив выкинул идею ехать на озеро Ньюбелл, где парни смогут завязать с ширевом. Эвану не совсем по душе было такое дальнейшее путешествие на рыбалку. «Это же в тысяче миль к северу, в Канаде. Зачем так далеко забираться?» – заметил он Стиву. Шеймус поначалу вроде тоже не горел желанием ехать к чёрту на кулички, однако поддался, как обычно, влиянию старшего брата и в конце концов сказал Рэтлифу: «Поехали, Эван. Тут всё равно только со скуки подыхать. Да и деньги просадим не так быстро». Немного поупиравшись, Крыса согласился: «Ладно, поедем. Но тогда завяжем в следующий раз... Может быть. Без ширева – не поеду!» Стив досадливо махнул рукой – и они отправились к Ньюбелл.

Были там через два дня, на третий. Оставили машину на стоянке возле мотеля и до озера добирались пешком, потому что туристам и рыбакам въезд в десятимильную зону вблизи водоёма был запрещён.

А в самый разгар их рыболовного отдыха русские развязали войну.

До чего же нервной была её первая неделя! А пожалуй, что и две. Да, две недели парни толком очухаться не могли. И дело не в том, что Эван и Шеймус часто ширялись, а в том, что развязал Стив! Стив развязал! А чего терять, если не сегодня-завтра отправляться на небеса? Через неделю всех троих даже сильно нервировало то обстоятельство, что ужасные дни и ночи сменяют друг друга, а смерть не приходит. Как же так? Ведь всем известно: должен быть большой «бумс» – и всё! Ну, останутся несколько человек где-то, а вокруг – смерть и ядерная зима. Ни пить, ни есть нельзя. Мир должен погибнуть сразу – это понятно даже последнему дебилу в трущобах Гарлема, хотя там путают «радиацию» и «радиостанцию» и слабо представляют разницу между этими понятиями.

А потом пришло понимание, что они и есть те самые счастливики, которые одни только и остались в живых. Им выпала удача пережить человечество! Но осознание избранности не надолго обрадовало парней. Наоборот, им захотелось конкретно обдолбиться, когда они поняли, что наступает ядерная зима, вокруг всё заражено, а им предстоит каждый день добывать себе пропитание и бороться за жизнь с мутантами. Поэтому, когда они в те первые дни пару раз из своих палаток видели вдали людей, то воспринимали их как хищных соперников, готовых убить за дохлую крысу, либо как мутантов, готовых убить любого от злости на то, что русские поломали им жизнь и генетический код.

Героин раскрашивал мрачные будни ядерного апокалипсиса. Однако возникли трудности с едой. Небольшой запас мясных консервов и хлеба быстро закончился и рацион выживальцев полностью заняла рыба. А нормальный человек... это не какой-то там баклан. В общем, вылезла проблема со специфическим душком и жидкой консистенции. Из-за того, что парням было реально страшно, они всё ближе и ближе к палаткам справляли большую нужду. В один из вечеров, выбежав из палатки отлить, Стив подорвался на mine человеко-рыбьего происхождения.

Выкрикивая подходящие к случаю выражения, он немедленно объявил сходку. Сходка, на которой ботинками Роксби атмосфера была испорчена похлеще, чем ракетно-ядерной перестрелкой великих держав, «остатки» человечества приняли три исторических решения: первое – переселиться подальше от спонтанно возникшего минного поля, второе – гадить в специально отведённом и достаточно отдалённом месте, третье – пока под воздействием радиации на затылке не отросла дополнительная пара глаз, брать на справление нужды товарища (чтобы не так страшно было).

Интимности в отношениях парней прибавилось, но жизнь наладилась ненадолго. Одна за другой подкатывали проблемы широкого плана. Во-первых, становилось всё холоднее, и ночами доходило чуть ли не до заморозков. Сейчас это обычное сезонное похолодание воспринималось как наступление «ядерной» зимы. Во-вторых, разрядились батарейки в фонариках и ожидалось, что вот-вот закончится газ для плит. С хворостом для костра дело тоже обстояло не просто. В-третьих, кончилось ширево, и когда делили последнюю дозу, в воздухе запахло завистью, злобой и даже умышленным убийством по корыстным мотивам.

Последние несколько дней затворничества были самые мрачные. Подул северный ветер, небо затянули тяжёлые тучи, опускавшиеся чуть ли не до вершин елей. Пережив апокалипсис, парни теперь смотрели на тучи и ждали кары Страшного суда в виде радиоактивных осадков. Наконец хлынул нескончаемый дождь.

При обилии воды парни, однако, страдали от жажды. Казалось, каждая капля несёт в себе радиоактивную частицу. При этом по способам защиты от радиации у парней было очень мало знаний. Впрочем, некоторую информацию они успели почерпнуть из текстовых инструкций, присланных на мобильники в первые сутки-двое после нападения русских. Аккумуляторы мобильных давно разрядились, и им не только неоткуда было получить информацию, но они даже не могли прочитать инструкции. Будь парни посмекалистей, то отключили бы два аппарата и пользовались одним, тоже включая время от времени, пока не израсходовался бы его заряд.

Добавляла своих эффектов и начинающаяся ломка.

Эван, как и его товарищи, почти не помнил её первые два дня. Но очухавшись (это было ранним утром), он вылез из палатки, взглянул на едва видимое сквозь туман солнце, спустился к воде – и стал пить, черпая ладонями. Какая-то граница внутреннего мира была пройдена в тот день всей троицей. Страх не ушёл совсем, но перестал сковывать.

И парни начали обсуждать, куда двинуться, потому что просто надоело сидеть на одном месте. Они всё ещё опасались попадания в плен к русским, если выйдут на дорогу, и боялись радиоактивных следов, оставленных облаками взрывов, но желание увидеть изменившийся мир и необходимость разнообразить пищу толкали их к перемене места. Решили идти к мотелю.

Однако ночью раздался двойной раскатистый грохот, вода в озере покрылась рябью так, что отражение луны превратилось в белое размытое пятно, а спустя некоторое время вдалеке на западе показалось слабое зарево. Это был ядерный взрыв, как поняли парни. Насколько далеко он произошёл, они не знали.

Уснули нескоро. А утром были разбужены звуком реактивного истребителя, пролетевшего в нескольких милях к северу. Сошлись во мнении, что это русский самолёт, и решили пока повременить с уходом, хотя стало понятно: они не единственные выжившие.

Но спустя несколько часов случилось событие, в корне поменявшее настрой бывших любителей рыбалки. Примерно в полдень послышался гул, который был для Эвана и Стива как родной. Они выбежали из палаток. Их лица озаряло радостное ожидание, азарт! Через несколько мгновений они начали с возгласами указывать друг другу на юго-восток, откуда, усиливаясь, доносились хлопающие звуки и рокот. А затем над деревьями показались два «Оспри⁷»! За ними ещё два, ещё и ещё – восемь машин! Они пролетели над озером, ближе к перешейку, отделявшему его от соседнего. Вслед за конвертопланами летели «Чинуки⁸» – шестнадцать штук!

⁷ Американский конвертоплан Bell V-22 Osprey.

⁸ Американский вертолёт Boeing CH-47 Chinook.

Парни носились по берегу, забегая по колено в холодную воду, прыгали, махали винтокрылым машинам и орали. После этого они просто не могли оставаться на опостылевшем берегу ни минуты!

Глава третья

За шесть лет шесть месяцев до дня А (часть первая).

В публичном расписании президента Брандта это мероприятие значилось как «Посещение объекта Вооружённых сил Соединённых Штатов». Самому же президенту месяц назад был предложен перечень из восьми объектов – он выбрал Командный центр стратегических сил, расположенный близ города Омаха в штате Небраска. И вот сегодня примерно в восемь тридцать утра глава государства прибыл на аэродром Стратегического командования, а ещё через двадцать минут находился уже у административных корпусов и казарм, недалеко от главного контрольно-пропускного пункта. После короткого приветственного ритуала с участием караульной роты и сотни зевак в военной форме он скрылся в недрах трёхэтажного здания, отделанного тёмно-синими толстыми стеклянными листами.

В сопровождении группы военных (девять человек) Брандт вышел из лифта с наклонной шахтой на глубине шестьсот футов⁹. Потом делегация прошла по коридору длиной в полсотни ярдов¹⁰, который разделялся шлюзом с керамическими створом толщиной с полтора десятка дюймов¹¹. В стенах и потолке через каждые пять-шесть шагов имелись вогнутые овалы, высотой с человеческий рост, окрашенные в бледно-оранжевый цвет: президент принял их за декоративные элементы. Однако начальник Командного центра генерал Мендоз пояснил на ходу:

– Этот шлюз имеет многослойный створ. Он не деформируется, а разрушается от цента – там у него самая тонкая часть, поэтому не блокирует проход намертво. А в стенах и потолке, господин президент, вы видите мембраны, за которыми расположены полости: они в случае прорыва ударной воздушной волны на этот уровень примут избыточное давление в себя. Так же устроена и шахта лифта, только её полости расположены вокруг ствола. Спустя тридцать минут после объявления тревоги или раньше, если будет особое распоряжение, шахта блокируется, кабина спускается ниже и смещается в специальную шлюзованную камеру, чтобы предотвратить её повреждение.

Генерал был не старше тридцати восьми лет. У него был немного клокочущий голос и особенная запоминающаяся интонация в заключительных словах. Военная форма сидела на нём безупречно. Бронзовое лицо и тонкие усики Мендоза навевали ассоциации с мексиканскими баронами из гангстерских кинобоевиков середины прошлого века.

– А если шахта будет разрушена? – спросил Брандт.

– Она имеет повышенную прочность. Уклон и ступенчатое устройство нижней части затрудняет её осыпание, а грунт и остатки конструкций должны принять в себя нижние полости – они специально сделаны больших размеров и разделены на отсеки. Кабину, в случае частичного обрушения шахты, можно поднять на поверхность с помощью передвижной лебёдочной платформы или строительного крана.

Коридор закончился ещё одним шлюзом. Здесь было помещение с толстой металлической дверью в металлических же воротах. Через неё, и мимо караульного поста, оборудованного разными сканерами, вышли в сводчатый туннель высотой футов в тридцать с лишним и шириной достаточной, чтобы разъехались три грузовика. Справа туннель заканчивался в сотне ярдов, а слева – уходил вдаль. Возле ворот стояло несколько электромобилей. Один из них представлял собой автопоезд из двух вагонов.

– Как в метро, – сказал Брандт.

⁹ Примерно 183 метра. 1 фут – приблизительно 305мм.

¹⁰ Около 46 метров. 1 ярд – приблизительно 91см.

¹¹ Примерно 38 сантиметров. 1 дюйм – приблизительно 25мм.

– Два электробуса курсируют круглосуточно, с десятиминутной стоянкой в конечных точках; есть обязательные остановки и несколько пунктов по требованию. Длина этого туннеля около полутора миль и он имеет двадцать четыре ответвления, некоторые – вертикальные, уходящие к поверхности. Сейчас мы на этом электробусе отправимся к мозгу Командного центра – залу управления, вернее к залам – их два, совершенно идентичных.

Президент приветственно поднял руку нескольким военным, остановившимся и смотревшим на него со стороны. В салоне также находилось несколько человек и Брандт, проходя мимо двух младших чинов, поздоровался с ними за руку.

Заняв сиденье, он сказал министру обороны генералу Ситтему и командующему Стратегическими силами генералу Хеллроуту, присевшим напротив через проход:

– Непривычно, что никто не хочет сфотографироваться.

– Да, и репортёров нет с их камерами, – согласился Ситтем.

Электробус тронулся. Брандт сказал:

– Нет, я имею в виду, что люди всегда вокруг начинают снимать на мобильники. А мы как будто в другом времени, – и, обращаясь к Мендозу, поинтересовался: – Сюда же запрещено заносить мобильные телефоны?

– Так точно, господин президент, – ответил генерал, боком сидевший на переднем сиденье. – Запрещены любые личные электронные устройства, способные принимать и передавать информацию. Служащие оставляют телефоны, часы, планшеты и прочие приборы на поверхности.

– А чем вы здесь пользуетесь? Рациями? – Брандт указал на устройство, напоминающее небольшой мобильник, укрепленный на кителе генерала.

– Вайфонами.

Мендоз отцепил устройство, чтобы показать президенту. На кителе обнаружилась вертикальная планка, один конец которой был загнут, и на нём виднелся цилиндр со стеклянной линзой.

– Вот, возьмите в руку, скажите что-нибудь.

Беря вайфон, Брандт спросил:

– В него?

– Нет. Просто держите в руках и скажите, что-нибудь.

Президент наигранно откашлялся:

– Кхе-кхе. Даже не знаю, с чего начать...

И через секунду вайфон издал звук зуммера, на торце замигал яркий индикатор, а экран, до этого представлявший собой чёрную глянцевую поверхность, запульсировал белой надписью на красном фоне: «Внимание! Ваша личность не идентифицирована».

– Что это?

– Мой вайфон определил, что находится в чужих руках, – Мендоз подставил ладонь. – Возвратите его мне, пожалуйста, господин президент.

Он забрал прибор.

– Сейчас со мной свяжется оператор локальной сети.

– Хотите выставить меня вором? – снова пошутил Брандт. – У меня есть высокопоставленные свидетели и высокооплачиваемые адвокаты.

Он с улыбкой оглянулся на министра обороны. Несколько человек отметились учтивыми смешками, а Мендоз, сдержанно улыбувшись, продолжил:

– Это, по сути, обычный мобильный телефон, но с привязкой к мерам безопасности и работающий только в подземном секторе Командного центра. Если попытаться вынести его на поверхность, то он заблокируется, а на пульте оператора связи загорится тревожный сигнал. Мы их оставляем вон там – он показал рукой, – в специальном помещении. Там же хранится одежда и некоторые личные вещи в индивидуальных ячейках. Для связи используется радио-

сеть на принципах вай-фай – отсюда и название. Тут у нас пятизначные номера, где первая цифра обозначает ещё и степень допуска, так как не все помещения на объекте равнозначны по секретности: есть технические помещения, есть – складские, есть – из разряда жизнеобеспечения, есть – чисто военные, особой важности. Вот, кстати, меня вызывает оператор, позвольте я отвечу ему.

В нескольких словах генерал объяснил ситуацию и извинился перед оператором. После этого продолжил рассказывать. Между тем, президент, как и прочие гости, с интересом смотрел по сторонам.

– Всюду видеокамеры, в том числе и в транспорте... вон и вон... поэтому оператор видел нас, но всё равно он обязан выйти на контакт с номером. Кстати, через вайфон он также видит нас. У него есть возможность видеть картинку с любого аппарата, при том, что абонент не может воспользоваться камерой. Одна камера тут, – Мендоз показал на планку, – две другие – в самом аппарате.

Кто-то из делегации хмыкнул, а Брандт весело спросил:

– А как же если в сортир пойти? – он обменялся взглядом с генералом Ситтемом. – И там оператор будет следить за процессом?

– Вообще говоря, в помещениях определённой категории аудиовизуальная информация недоступна для операторов, хотя она записывается и некоторое время хранится на специальных серверах под шифром. Конечно, в первую очередь речь идёт о помещениях, где соблюдается особая секретность – там остаётся только тревожный режим. А в туалетах устроена обязательная прихожая, где есть ячейки, чтобы можно было оставить вайфон. Когда вы будете его забирать, то он засветится, обозначая себя, а если забудете и пройдёте мимо – подаст звуковой сигнал. Незапланированной утечки информации можно не опасаться.

– После ваших слов я получил некоторое облегчение. А как он определяет владельца?

– Ну, в нашем случае вайфон среагировал на отдаление от опорной планки. Источник речи находился ближе её. Планка тоже содержит электронную начинку.

Генерал расстегнул пуговицу и отвернул борт кителя. Стало видно, что на планку навинчен небольшой диск.

– Ещё есть опорные поясные элементы, карманные и даже укрепляемые в головном уборе. Каждый использует то, что ему удобно. Вайфон так же определяет голос, картинку сетчатки, отпечаток пальца, может отслеживать температуру у владельца, его давление... Многое может – это весьма продвинутое изделие.

Так, слушая генерала Мендоза, доехали до нужного ответвления туннеля. Опять ворота, за ними – контрольный пост и коридор со шлюзом и декомпрессионными клапанами. Снова лифт в наклонной шахте. Спустились ещё на пятьсот футов.

Вышли в обширном двурусном холле, отделанном пластиком под дерево и хромированными элементами ограждений. Лифт ожидало человек пятнадцать и примерно столько же собралось, чтобы взглянуть на президента. Тут было два коридора буквой Т – пошли по длинному (ярдов семьдесят). По обе стороны – десяток дверей с фосфоресцирующими табличками, на бежевых стенах – репродукции; мягкое приглушённое освещение и несколько искусственных лиан. Впечатляло зрелище в конце коридора. Вместо торцевой стены там было нечто объёмное, вроде голограммы, от которой лился свет, а картина, открывавшаяся взору, представляла собой солнечную улицу небольшого американского городка: аккуратные домики с лужайками, цветники, деревья, качели, люди и животные... Всё – как настоящее.

Перед голографической стеной – тумба со знаменем полка. А возле стены, лицом к знамени – часовой, который взял на караул, когда гости приблизились.

Полюбовавшись иллюзионным чудом, повернулись и направились к одной из широких двухстворчатых дверей. Генерал Мендоз заметил, ведя за собой гостей:

– Между прочим, сооружение, в котором мы сейчас находимся, расположено в подземном озере. Огромный резервуар с минералкой, образовавшийся сотни миллионов лет назад. Строители, постепенно откачивая её, создали железобетонный кокон, а потом, – генерал, подняв взгляд, показал руками, – и всё это. Оставшаяся забортная вода используется нами, как для бытовых нужд, так и для охлаждения аппаратуры.

И вот зал управления в виде полукруглого амфитеатра. Над невысоким подиумом – два больших экрана и по бокам от них несколько – поменьше. Полукружьями, в несколько ступеней, – столы с мониторами, пультами и клавиатурами, за ними – около сотни человек. Многие служащие в наушниках, с микрофонами. Слышны какие-то команды. Здесь довольно шумно: человеческая речь сливается с гудением аппаратуры, всевозможными писками, жужжанием, клацаньем... Пахнет электропроводкой... но запах приятный.

Фон на одном из больших экранов – чёрный (и очертания всех материков), на другом – тёмно-синий (и контуры Северного полушария). На обоих – пунктирные линии, простые геометрические фигуры нескольких цветов; к ним – подписи с буквенными индексами и цифрами. Люди за мониторами продолжают выполнять свои обязанности, тем не менее почти все поглядывают то и дело на президента и его свиту. А гости столпились возле дверей, глядя на зал сверху.

– Мозг стратегического командования! – объявил Мендоз.

Но подал голос командующий:

– Спасибо, Мендоз, но дальше знакомить президента с нашим объектом продолжу я.

Он опустил на следующую ступень и встал перед Брандтом, немного сбоку, а Мендоз отшагнул за его спину.

Хеллроут был высок, подтянут, лет – далеко за сорок. Плоское лицо с высоким лбом, светлые волосы, мясистые уши с длинными мочками, загорелая чистая гладкая кожа, которая подошла бы и женщине.

– Это одно из моих рабочих мест, господин президент. Когда в мой вашингтонский офис звоните вы или министр, и секретарь говорит: «Его нет», а позже читаете в прессе, мол, Хеллроута видели уходящим рыбу на яхте, то, скорее всего, я тут – отрабатываю на тренажёре глобальные молниеносные удары.

– Вот почему к каждому такому сообщению прилагается одна и та же фотография, где вы хвалитесь четырёхфутовой чавычой, – ответил Брандт в тон генералу, но сразу же серьёзно поинтересовался: – А что обозначают те треугольники... синие, красные?

– Позвольте сначала заметить, сэр: на синем экране – наземные объекты, на чёрном – космические. Треугольники есть на обоих, но означают они разное.

Министр обороны Ситтем тоже шагнул на нижнюю ступень и встал напротив Хеллроута. А тот продолжал:

– То, на что показали вы, – космический аппарат. Принадлежность орбитальных объектов отмечена цветом: синие – наши, то есть американские и наших союзников по НАТО; зелёные – стран, не входящих в Североатлантический альянс, но зависящих от Соединённых Штатов и частично интегрированных в нашу стратегическую систему... например, Япония, Израиль, Саудовская Аравия; красные – российские; жёлтые – китайские; белые – прочие, к примеру – индийские, бразильские... Сейчас не включена опция трёхбуквенного обозначения принадлежности аппарата конкретной стране, межгосударственному объединению или организации, но она есть и используется по необходимости. Операторы на местах могут включать опции на своих мониторах как им удобно.

– А вон, я вижу, один кружок замигал, – указал Брандт пальцем. – Что это значит?

– Аппарат искусственно меняет орбиту. Если бы под кружком появилась черта, то мы бы знали – объект снижается. Видите? Слева от него появились цифры. Значит – вектор его движения смещается влево. Цифры показывают угол отклонения от прежнего вектора, высоту

над уровнем моря, скорость; плюс и минус обозначают смещение по высоте или направление к Северному и Южному полюсам. Опять же, операторы могут выводить подробную информацию по любому объекту на свой монитор.

– Понятно, – президент кивнул.

Вся делегация по-прежнему стояла возле дверей, на ступенях прохода.

– А что означает каждая фигура на космическом экране?

– Звёздочки... Ну, я вижу сейчас только одну звёздочку... Да, вон – синяя. Это орбитальный аппарат с оружием на борту: лучевым, пучковым или реактивным. В основном, это наши космические огневые точки. Всего их тридцать одна, на сегодняшний день. У китайцев – пять. У русских – две, но в рабочем состоянии, скорее всего, – одна. Данные о вооружении поставляет, в основном ЦРУ.

– Но здесь не так уж много аппаратов, и только один, обозначенный звездой, – заметил Брандт.

– А вон те цифры, господин президент, в левом верхнем углу... Сто и сто десять. Это высота в милях. Сейчас на экране только те космические объекты, которые находятся в данных пределах. Большинство аппаратов имеет эллиптические орбиты и, соответственно, они то приближаются к земле, то отдаляются. Дежурный по залу может со своего пульта переключать отображаемые высоты. По умолчанию они идут ступенями в десять миль, но можно от руки выставлять любые значения с точностью до ярда.

– Ах вот оно что.

– Да. Так вот... Треугольники с широким основанием – военные спутники, перевёрнутые треугольники – частично выполняющие функции военного значения. Те и другие несут на борту аппаратуру наблюдения: инфракрасную, фотосъёмочную, транслирующую, радиоперехватывающую и прочую. За этими объектами – особый контроль. Как правило, значительное изменение орбиты таких аппаратов говорит о том, что готовятся или уже происходят какие-то серьёзные события. Мы следим за противниками, они следят за нами. Сначала двигается активная сторона, затем подтягиваются наблюдатели. Здесь играет своя шахматная партия. У нас с союзниками аппаратов больше. Если назначается где-то секретная операция, то мы выбираем отдалённый квадрат и склоняем к нему орбиты нескольких наших спутников. Русские и китайцы (они действуют разрозненно) замечают движение и начинают корректировать орбиты своих разведывательных аппаратов, тоже подтягивая их к отдалённому квадрату. Так мы зачастую отводим их от места, где чужое внимание нам совершенно не нужно. Тем более, что корректировка орбиты – дело не одной-двух минут и она влечёт уменьшение жизненного ресурса аппарата. А мы выбираем варианты, которые максимально истощают наших противников. До недавнего времени мы водили их за нос, но они разгадали трюк и теперь сами пытаются нас запутать.

– Занятно... Но ведь у нас в запасе есть другие сюрпризы неприятелям, – полувопросительно сказал Брандт и на мгновение оглянулся на стоящих чуть позади него генералов.

Хеллроут ответил:

– О, безусловно. Мы уже отрабатываем новые трюки. Враги Америки всегда на шаг позади.

– Отлично, генерал. Отлично, – Брандт покивал, выставив подбородок. – Только, может, пройдем дальше?

– Конечно.

Они стали медленно спускаться ниже, к большим экранам. Командующий стратегическими силами продолжал:

– Кружками обозначены метеорологические и научные спутники. Квадратами – ретрансляторы. Полукругом с прямым основанием – аппараты, обеспечивающие работу глобальной системы позиционирования. Они сейчас не отображаются, так как на этих высотах бывают

только в первые минуты после запуска и ещё ускоряются... или на этапе утилизации. Вертикальные прямоугольники – объекты гражданского назначения, с которыми потеряна связь...

Глава четвёртая

Задание Рахматуллин получил вечером, вернувшись с задержания.

– Отправляйся в Ярково, – несколько утомлённым голосом произнёс капитан Сильвиоков, когда Ильяс вошёл к нему в кабинет. – Вблизи Шиловского полигона были замечены две подозрительные личности, успели уйти. Прочёсывание ничего не дало. Есть вариант, что они укрываются в селе, а это уже наша зона ответственности. Вчера там убили участкового уполномоченного. Это всё, что мне известно из радиограммы, – он подвинул к Рахматуллину листок с текстом. – Вот, возьми. Здесь адрес и к кому обратиться по прибытии. В секретном отделе получи список информаторов среди местных. Я оформлю твоему отделению командировку на двое суток, чтобы туда-сюда вам не мотаться. Там, вроде бы разместили дивизион «тополей» и соответствующее противовоздушное прикрытие. Но это так – предположение. Но ты поторапливайся. И помалкивай об этом.

Совет поторапливаться означал, что если военные спугнули разведчиков, а те зафиксировали межконтинентальные ракеты и успеют в ближайшее время передать информацию командованию, то возможен удар по квадрату базирования установок, не исключено – ядерный или бактериологический.

Район села Ярково Рахматуллин знал. Не раз приходилось выполнять задания поблизости, а кроме того из лагеря временного пребывания его отправили на ускоренные курсы полевой контрразведки как раз в подразделение, дислоцированное возле села. Там находится полигон и несколько учебных рот разведки, ракетчиков, связистов и мотопехоты. Прежде на том месте стоял батальон материального обеспечения танковой бригады, но теперь личный состав и техника были переброшены ближе к границам, на линию фронта. Только дивизионы ПВО дислоцировались на постоянной основе, для защиты учебки от воздушных налётов, да ещё рота материального обеспечения и усиленный взвод, несущие караульную службу вместе с курсантами.

Село Ярково с начала боевых действий было эвакуировано. В первый день войны сразу несколько ядерных взрывов произошли недалеко от него. Удар пришёлся по районам вблизи водохранилища, а радиоактивные облака ветер нёс на Новосибирск. Хотя центральные области следов легли мимо, довольно значительные осадки всё же накрыли и село. Людей переселили. Весной, после того как сошёл снег (и талые воды увлекли за собой значительную часть ещё не расщепившихся радионуклидов), была произведена дезактивация и жители стали возвращаться. Однако низинные места до сих пор оставались зоной радиоактивного заражения.

Рахматуллина занимал вопрос: в самом деле в районе полигона размещены «тополя», или слухи о них распространяются намеренно? Если диверсанты обнаружили комплексы, то успели ли удостовериться, что они – настоящие? Просто увидеть издали тягачи с «трубой» под маскировочной сеткой и часовых вокруг – не значит зафиксировать наличие МБР. Это может быть имитация, а настоящие ракеты – километрах в десяти от квадрата наблюдения. Поэтому разведчики должны удостовериться. Это несколько суток радиоперехвата и наблюдений, в течение которых можно заметить несуразности, если противник подставляет вместо «тополя» «липу». Впрочем, иногда хватает нескольких часов, а то и первого осмотра, если имитацией занимаются халатно раздолбаи в военной форме.

Почерпнуть информацию можно и у местного населения. Всегда найдутся те, кто доверительно растрезвонит о секретах Родины, чтобы поднять свою значимость в обществе. Мол, «сам видел собственными глазами, но ты больше никому, я только тебе». Есть, правда, вероятность преувеличения, когда надувную дурилку могут выдать за настоящую ракету, но разведчики в тылу обязаны слушать и верить почти всему. И вообще перед ними могла быть постав-

лена задача попроще, например, установка приборов дистанционного наблюдения и записи радиосигналов.

А ещё убийство участкового. Связана ли его смерть с этими двумя неизвестными? Что там обнаружилось, если к ним отнеслись с такой серьёзностью? Погоня была сегодня, а участкового убили вчера.

В комнате, где располагалось отделение Рахматуллина, его ожидали Паркова и Кинулов – двое из трёх его подчинённых. Кадушкин оформлял задержанного в КПЗ и скоро должен был прийти.

Надя Паркова – невысокая плотная женщина двадцати девяти лет, из Новосибирска. Не одарённая красотой, с грубыми чертами лица, она была лыжницей-биатлонисткой и занимала пару раз призовые места на общенациональных соревнованиях. В последние несколько лет участвовала только в областных, работала тренером. Её муж погиб зимой на Дальнем Востоке. Он был призван по всеобщей мобилизации и определён в часть ПВО. Дивизион накрыло американским «томагавком» с нейтронным зарядом. Через полторы недели умер в госпитале от лучевой болезни и незаживающих переломов. Надя, имевшая бронь, как мать двух несовершеннолетних детей, оставила их свекрови и матери, теперь живших вместе в Боярке, в шестидесяти километрах к северу от Новосибирска, и подала заявление в военкомат. Так она и попала в отделение к Рахматуллину в качестве стрелка-снайпера.

Кинулов – отдельная песчинка бесконечной в пространстве и времени серой человеческой массы, которая походя одобряет всё, что просит одобрить начальство, и так же походя критикует то, что принято здесь и сейчас критиковать. Он не вынашивает собственное мнение, а выхватывает его из общего настроения других таких же песчинок, выхватывает наиболее подходящее моменту. Сейчас Николай Вениаминович Кинулов, а в обиходе просто Витаминыч, усатый круглолицый мужичонка сорока годов, вальяжно вытянул ноги, растёкшись на скрипучем компьютерном стуле Кадушкина. Когда Рахматуллин вошёл, он подобрал ноги, сел прямее и, облокотившись на стол, спросил с вежливым интересом:

– Ну что там, Ильяс Галимович?

Рахматуллин сел за кабинетный стол, сдвинув кепи, почесал затылок. «Домой уже намылился», – подумал он и ответил:

– Едем в Ярково. Вернее, на Шиловский полигон.

На это Кинулов отреагировал смесью удивления и недовольства:

– В ночь?!

– Да, – Ильяс снял сумку с противогазом и положил её на угол стола. – Сейчас Кадушкин придёт – и поедет. У тебя как с бензином? Талоны не надо получить?

– Да я думал завтра... – исподлобья взглянул Николай на Рахматуллина.

– Сейчас. Давай, скорее.

Кинулов бросил взгляд на Паркову (та чистила свой «Винторез»), встал, не торопясь, и шагнул к двери.

За Кинуловым, как за штатным водителем отделения, был закреплён автомобиль УАЗ. Машин пока ещё хватало, и запчастей для них, но с топливом ситуация становилась всё хуже и хуже.

Чем только не занимался Николай Кинулов в мирное время. Но в армии не служил – были у него справки о наличии плоскостопия и ещё чего-то такого, что даже произносить вслух стрёмно. Но теперешний его военком оказался человеком шибко принципиальным и посоветовал Витаминычу использовать справки более интимным и нетрадиционным образом, чем предоставлять их должностным лицам, имеющим не только расстроенные нервы, но и табельное оружие. Не помогла и жена плоскостопому инвалиду-нежилыцу, которая прилеплена была к нему, как этикетка к бутылке, и имела высокопоставленную родню. Правда, она всё-

таки повлияла на принимающих решения товарищей, и мужёк не отправился к чёрту на рога, а оказался в подчинении лейтенанта Рахматуллина, совсем недалеко от дома, в родном районе.

Всю жизнь Кинулов пытался найти собственную золотую жилу, чтобы сидеть на ней до глубокой старости – только не срасталось. Однако после тридцати стали приносить дивиденды навыки борьбы за лишний рубль. Связи, умение договариваться, чутьё на деньгу, способность расположить к себе и втюхать товар дураку постепенно увеличивали его капитал. От таксования и мелкого посредничества в торговле щёбёнкой он дошёл до заключения договоров с производителями, от которых гарантированно имел неплохой барыш.

Например, он покупал ножи у китайского мелкого дельца, в кооперативе которого практически за плоску риса работали родственники из деревни. Ручка ножа делалась из отходов леса, сбраконьеренного в России, металл – из отходов линии переплавки вторичного сырья. Покупал нож за тридцать рублей, а отдавал магазинам хозяйственных товаров – за семьдесят. Те продавали эти одноразовые (если судить по качеству) ножи за сто рублей, и люди, которые имели несчастье их купить, впоследствии очень нелицеприятно отзывались о Китае в целом и его промышленности в частности, но никто не догадывался о существовании Витаминача, чья жена умело штамповала сертификаты качества для разнообразной хозяйственной мелочи.

Тем не менее, Кинулов мог быть полезен. Иногда надо сделать нечто такое, что возбраняется законом, но благоприятно для общества. Во всяком случае, общество не теряет ничего существенного и не опускается ниже, потому что оно и так теряет и опускается при существующих законах и понятиях. Лучше всего такое дело поручить Витаминачу. В стремлении удержаться на собственном месте да угодить начальнику, он выполнит всякую грязную (с точки зрения несовершенного законодательства) работу. А подвешенный язык и животное чутьё позволяли ему без видимых усилий добывать нужную информацию.

Вслед за Кинуловым Ильяс отправил и Надю – получить на складе (он находился здесь же, в здании) сухпай на двое суток для четырёх человек. Отнести их она должна была сразу в машину. Когда пришёл Кадушкин, Рахматуллин сообщил ему, что сейчас они едут в Ярково, и рассказал то небольшое, что знал сам.

– Зачарченко, значит, убили? – Денис, собиравшийся присесть на стул, замер. – Жалко. Хороший мужик был. Хороший, – он сел. – А как? Застрелили?

– Не знаю. Выясним на месте.

Рахматуллин, как и Кадушкин, был знаком с убитым. Меньше месяца назад они ездили в деревню Пайвино, в четырёх вёрстах от Ярково. Там начисто потравили коровник голштино-фризской породы, обустроенный примерно полтора года назад. Четыреста голов за два дня. Английская отравка медленного действия, чтобы как можно больше животных полегло, пока люди почуют неладное. Захарченко тогда практически в одиночку нашёл отравителя: подонка из соседней деревни, где был свой коровник. Тот сделал это по заданию диверсантов, за деньги и оружие.

С участковыми ещё в мирное время была беда – мало их было и качество штата хромало, а с началом войны худо стало совсем. Те, что служили по месту жительства, просто боялись. Жившие в небольших посёлках смыкались со сбродом, уклоняющимся от мобилизации, разбойничавшим и воруящим. А Захарченко... Его комиссовали из армии месяца три назад. Лучевая болезнь второй степени, ожог (голова и рука были обожжены вспышкой), один глаз практически не видел. Он напросился на эту работу. Ездил по району зачастую в одиночку – другие участковые выезжали даже на опрос, не говоря уже о более серьёзных следственных действиях, в составе группы из нескольких человек. Как говорится, искал смерти.

Пришла Паркова, доложила, что сухпай получен и погружены в машину. Через минуту возвратился Кинулов. Никакого доклада – присел на край стола Кадушкина, вроде бы и почти лицом к Ильяс, но смотрит только на Дениса и Надю. Ильяс терпит. Пусть пофорсит, подлец. Недоволен: думал, через пару часиков будет прижиматься к тёплому податливому телу

супружки, а придётся ехать тридцать военных вёрст, потом заниматься неизвестно чем и, может быть, спать под открытым небом, а то и вовсе не спать. И сухпай. Дома-то, небось, голубцы ожидают. У этих в доме и мяско, и капуста ранняя... без кобальтового удобрения.

– Что с топливом? – спросил Рахматуллин.

– Туда-обратно хватит, и ещё талоны получил, – наконец-то взглянул Кинулов на непосредственное начальство.

Ильяс оглядел всех:

– Готовы?

Разной кивков.

– Итак. Вблизи Шиловского полигона, у села Ярково, сегодня замечены двое неизвестных, которые скрылись при попытке выяснить их личности. Также вчера в этом районе был убит участковый уполномоченный. Обстоятельства убийства нам пока не известны. Задача: выяснить, не являются ли эти события результатом действий разведывательной или диверсионно-разведывательной группы.

Выждав несколько секунд, Рахматуллин скомандовал:

– Проверить оружие, – и потянулся к кобуре за своим тяжёлым «Грачом».

Комната наполнилась шорохом обмундирования, клацаньем затворных рам и предохранителей, щелчками спусковых механизмов и магазинов. Спустя полминуты один за другим подчинённые доложили о готовности. Ильяс спрятал пистолет в кобуру, закинул за спину проверенный «Вал».

– За мной, – и шагнул к двери.

В коридоре, почти у входа, его окликнул знакомый лейтенант:

– Илюха, ты куда это со своими?

– Да рядом здесь. Чайник держи горячим.

Кому следует знать – тот в курсе.

Солнце скатилось уже совсем низко. Скоро его лучи раскрасят закатные облака бледно-жёлтым цветом с примесью красного, фиолетового и даже зелёного. Примерно через неделю после начала войны зори стали необыкновенно красочными, особенно утренние. Скоро атаки мощными ядерными зарядами практически сошли на нет, но в атмосфере ещё оставалась превращённая в пыль многотонная масса металлических соединений. До середины апреля даже в субтропиках наблюдалось сияние – не такое плотное как северное, но тем не менее.

У железнодорожного переезда остановились минут на пятнадцать. Дежурная – дама лет пятидесяти в оранжевом жилете со светоотражающими полосами – опустила шлагбаум, поставила красный фонарь на обратной полосе и встала перед машиной, вытянув руку с флажком. Сейчас, когда с электричеством были проблемы, да и светящиеся сигналы могли сделать из переезда мишень для дальнего беспилотника, прежде автоматизированные пересечения автодорог с путями регулировались вручную.

Поезда всё не было, и Кадушкин о чём-то тихо разговаривал с Надей на заднем сиденье, Рахматуллин смотрел на закатный пейзаж, а Кинулов нервно стучал по баранке ладонями.

– Что же она не пускает? – не выдержал Витаминыч. – Может, сказать ей?

Ильяс посмотрел на женщину, потом перевёл взгляд на салонные часы:

– Не надо, ждём. И смотри по сторонам.

– Да ну, что, засаду на нас здесь устроит кто-то?

Рахматуллин метнул недовольный взгляд на Кинулова – тот сник.

Шли минуты. Надя и Денис замолчали.

– Динька, – Витаминыч на секунду повернул голову, – ты бы рассказал что-нибудь интересное, что ли, с юмором.

– А вот было дело во время моей срочной службы, – моментально, словно игла упала на грампластинку, включился Кадушкин. – Стояли мы в оцеплении. Тогда сбежал у нас один.

Смотрел он, значит, порнуху на мобильнике, и увидел свою тёлку. Она на том видео с каким-то его знакомым была, да ещё снимал их кто-то. Расстроился сильно – получается, его либидо тут придавили уставом и бромом, а на гражданке свобода сексуальных отношений! В общем, рванул этот кабан домой.

– Тоже сняться с ней захотел, – блеснул Кинулов надраенным... от частого использования... шаблоном мысли.

– Вот. Это я для тебя рассказываю, чтобы тебе интересно было. А теперь продолжу для товарища лейтенанта и для Надюши. Ага, стоим в оцеплении. А со мной служил такой... Нюркин. Удивительная личность! Все, кому в жизни пришлось быть рядом с ним, испытали психологическое потрясение. Я – тоже. Это такая персона, такая... Если тревога, или построение, или работы – и вдруг слышен громкий звук и что-то покатило, то все у нас знали: Нюркин навернулся, или что-то уронил, или на него знамя полка упало, или на свидание к нему с полигона болванка артиллерийская прилетела, или с ним ещё какое-то чудо травмоопасного характера случилось. Когда у нас шла отработка метания боевой гранаты и очередь дошла до Нюркина – стрельбище опустело. А прапор-инструктор подсел потом на сорокоградусный антидепрессант. Находиться с Нюркиным в одном строю – значит рисковать здоровьем и солдатской репутацией.

Железнодорожница в пяти шагах перед машиной пожала плечами и виновато улыбнулась. Кадушкин продолжал:

– Вот, например, стоит он в наряде. Дежурный повёл кого-то в медпункт, второй дневальный на улице территорию метёт, а Нюркин на тумбочке стоит. Приходит командир взвода проверить что и как – он помощником дежурного по полку тогда был. Приходит, открывает дверь, а перед ним стоит дневальный, нагло опирается на тумбочку, как Аполлон на фрагмент древнегреческой архитектуры, и молчит. Старлей наш подходит к ентому Аполлону в берцах и видит, что у того глаза мечтательно полузакрыты, а на морде загадочная улыбка – как у Моны Лизы. Он наклонился, в эту морду заглядывает, уже рукой перед ней стробоскопит, а тому хоть бы хны. Взводный думает: «Ну совсем салабон опупел. Наверное, о сексе размышлялся, и меня в упор не замечает». Разозлился, конечно, как гаркнет: «Дневальный! Смирно! Ты что, опух?! Почему не докладываешь?!» А тот... Если говорить кратко и по существу – испугался сильно. Вот тогда взводный и узнал, что у Нюркина, ко всем его прочим неоднозначным чертам, ещё и веки короткие – глаза полностью не закрываются, когда он спит. Мы-то все уже в курсе были, давно пережили шок и смирились, даже прикалываться перестали.

– Да, бывает, – Кинулов потёр мочку уха и бросил взгляд на Рахматуллина.

Ильяс, улыбаясь, повёл плечом, вроде как в знак согласия.

– Это что... – открыл Кадушкин следующую страницу биографии давнего сослуживца. – Другой раз приходит ночью наш комбат – он был дежурным по полку. Видит – дверь не заперта! Заходит в расположение, а в коридоре пусто, на тумбочке никто не стоит, дежурного по роте не видно. Дежурного нашёл на койке. Тот спал по уставу – в своё время, в одежде, со штык-ножом, не расправляя постели. Второй дневальный тоже спит – смена же не его. Комбат всех поднял, орёт знаками вопроса, мол, почему на тумбочке никого нет. Начали искать. А он, оказалось, ушёл с поста, сел на толчок и на нём уснул.

– На толчке? Ха-ха-ха... – И Витаминыч заржал аки лошадь.

– Да! На губу он тогда залетел. Кажется, на трое суток. Или на пять...

– А что в оцеплении-то случилось? – спросила весело Надя.

– А, ну так это... Стоим мы в оцеплении. И послала мне тогда судьба испытание в лице рядового Саши Нюркина. Поставили нас в пикет возле переезда, вот такого же. Тоже домик дежурного, но без шлагбаума, только с семафором красным, и кусты совсем близко к дороге были. А! Там ещё звонок срабатывал вместе с семафором. Но фишка в том, что звонок сначала, когда нас туда привезли и оставили, работал, а потом Нюркин к нему подошёл поближе – и он

заглох. Я говорю, Нюркин – такая персона... Где он, там нарушались физические процессы. Там пространство-время искривлялось в обратную сторону и вибрировало от страха. Рядом с ним начинаешь обращать внимание на своё здоровье, ценить части своего тела... ноги, пальцы, голову... задумываешься о Боге, о судьбе. В общем, умел Нюркин мобилизовать в окружающих лучшие черты личности.

Вслед за Кинуловым начали уже похохатывать Рахматуллин и Паркова.

– Короче. Километрах в трёх от нас была деревня. И Шурик решил туда смотаться: типа, там ларёк с пивом должен быть. Он, значит, ушёл, а я – на посту.

– Какой ты правильный солдат был, Кадушкин, – заметил Ильяс.

– Ага. Там дежурный по поезду ещё подходил поболтать, а потом его по рации вызвали, он взял кувалду с ломом и ушёл. Я один стою. Проходит сколько-то времени, смотрю – Нюркин возвращается. Там дорога резко так сворачивает, но я вижу, он из-за деревьев появился. В руках пакет магазинный. А тут справа – поезд! И так быстро приближается, главное. Впереди – Нюркин, справа – поезд. Но сначала поезд должен был проехать. Ага, должен был. Это же Саша Нюркин! Ему в голову вдруг моча ка-ак вдарила! Он взял и побежал. «Эгей!» – кричит. И бежит. Радостный такой. И красный семафор мигает, мигает. Только теперь без звука. Но всё равно этот-то должен был видеть! Я ему ору, руками показываю – а справа поезд гремит! Уже машинисту махнул с мандражу. Ну и... В общем, они встретились. Не знаю, может, машинист на меня смотрел, думал: «Что за идиот?» – даже свисток дал. Вроде притормозил, а потом пролетел и не остановился.

Кадушкин умолк, словно объявил для себя лично минуту молчания.

– Что, сбил он его, что ли? – спросил Кинулов, оборачиваясь.

– Не то слово... – махнул рукой Денис.

– О Господи! – Надя отвернулась, закатывая глаза. – Вот тебе и рассказ с юмором.

– Не-е! Вы слушайте дальше. Я же не про человека рассказываю, а про полтергейст в военной форме! Тут ещё неизвестно, кто мог с рельсов слететь – локомотив или Нюркин! Я так думаю, шансы у обоих были фифти-фифти. Но тогда я ещё не осознал, с каким явлением природы служил в одном взводе. Короче. Что-то мелькнуло, поезд пролетел, за ним ещё такой сквознячок... Ну, начал я присматриваться... к месту происшествия. Тут ещё машина подъехала, мне сигналит... Это потому, что я посреди дороги встал от неожиданности. Ну, она проехала себе, а я один стою, и Нюркина нигде нет!

Интерес захватил слушателей с новой силой: Ильяс забыл про закат, Витаминыч – про жинкины голубцы, Надя – свою девичью фамилию.

– Перешёл я пути, смотрю – пакет лежит на обочине! Банки из него выкатились, из одной пиво льётся. Вот, думаю, источник неприятностей бьёт почти из-под земли. А дальше, совсем близко – берет наш голубой, десантный! Но!.. Но... Я такого никогда не видел! Он мятый, как носовой платок!

– Так он же, вроде, из немнущегося материала, да? – заметила Надя.

– Ну! – Кадушкин полез в карман и достал скомканный носовой платок. – Вот! Вот такой мятый! Как тряпка! И что характерно: кокарда на нём – плоская, как будто её молотком сплющили. Кокарда плоская, а берет – мятый!

Надя тёрла слезившиеся глаза, а Кинулов поперхнувшись в смехе, закашлялся и опустил стекло, чтобы сплюнуть.

– Смотрю дальше... сапог! Так вот, верите-нет, он такой же мятый, как и берет! Жёваный в хрысь и каблук оторван. Я как увидел его, стало страшно дальше смотреть. Что там будет? Может, там глаза Нюркина смотрят на меня из лужи с лягушками? Может, кишки его развешаны на деревьях, как колбаса в мясной лавке. Или челюсть его нижняя на ветке висит? Ожидаю я, короче, увидеть сюрреализм в стиле Сальвадора Дали... только в мрачных кроваво-красных тонах.

Кадушкин рассказывал с выражением, гримасничая.

– Двигаюсь я, значит, осторожно, чтобы в печёнку человеческую не вляпаться или на сердце ещё быющее не наступить. И гляжу... что-то тёмное в траве, под кустом. «Труп!.. – думаю. – Моего боевого товарища». Подхожу... Точно – Нюркин! Подошёл ещё ближе и вижу, что он почти целый. Но на лбу шишка с увеличенным трафаретом кокарды! И шишка знает, какая? Ма-ма родная! Для такой шишки можно смело требовать у старшины дополнительный головной убор. А отпечаток на ней – высокого разрешения и контрастности. «Вот, – думаю, – об какую твердь кокарду расплющило!»

С переднего сидения сквозь утробный свист и судорожные стоны, означавшие наступление конвульсивной стадии смеха, донёлся звук прорвавшегося на волю пука, и рука Витаминыча потянулась к регулятору автомобильной вентиляции. Глядя на смеющиеся лица и то, как уазик мелко трясётся от хохота пассажиров, стала хихикать и дежурная по перекрёстку, сначала застенчиво, а потом очень даже раскрепощённо, почти как на сеансе смехотерапии.

– Подошёл я к телу. Вижу: глаза его полузакрытые смотрят в небо, как у Пьера Безухова из кино про «Войну и мир» – и хрен поймёшь, живой он или мёртвый! Толкаю его осторожно, зову: «Шурик. Шурик, ты жив?» Смотрю, веки поднялись... Только зрачки разъехались: один смотрит на столовку, другой – на дембель. Спрашивает: «Где я?» А я ему: «В армии». Он – плюх! – опять в обморок, от такой неприятной новости.

От взрыва хохота, кажется, качнуло вагоны поезда, наконец достигшего переезда и в эти мгновения катившего мимо уазика.

Поезд прошёл, дежурная отошла в сторону и, улыбаясь, махнула флажком. Машина тронулась. Чуть отдышавшись и протерев глаза, Рахматуллин спросил, полуобернувшись:

– Так чем закончилось? Что с ним было? Жив остался?

– Да-а, – с удовольствием протянул Кадушкин и чуть покрутил головой. – Что ему, собаке, будет? Сотрясение мозга получил. Ногу поломал, три ребра и ключицу. Так он ещё в госпитале неплохо устроился! Его туда санитаром чуть не перевели. Наш взводный и ротный старались его сбегать. Но медики отбились.

Немного помолчав, он, мечтательно глядя в окно, обронил:

– Я много ещё могу рассказать. Разное было...

Глава пятая

Парни ожидали услышать, добравшись до мотеля, что вероломные русские разбиты или по крайней мере Америка близка к победе, но их ждали другие новости.

Оказалось, что русские не высаживали десанта, хотя их диверсионные группы (говорят) действуют и в Канаде, и в Штатах. А вообще война пока в основном сводится к обмену ракетными ударами, причём с серьёзными потерями как с одной, так и с другой стороны. Тем не менее, американская армия и союзники уже ведут бои с русскими на их территории, объявлена мобилизация, чтобы ускорить разгром врага.

Последнее обстоятельство совсем не обрадовало Эвана и его товарищей. Однако были новости и похуже. Выяснилось, что они остались практически без денег. Дело в том, что снять наличные с банковских карт теперь стало сложно. Поблизости точно не было никаких шансов это сделать. Только в более-менее крупных городах, и то не сразу, а после подачи заявки и неизвестно скольких дней ожидания.

Друзья посчитали свою наличность – на троих 37 долларов 40 центов. В лавке при забегаловке, где они впервые за две с половиной недели говорили с посторонним человеком (продавцом), имелись противогазы – 70 долларов самый дешёвый, и выпивка – 50 долларов за «чёрную» бутылку «Джека Дениэлса» из Теннесси, в мирное время стоившую двадцать баксов. Самый дешёвый виски (подозрительного вида и неизвестного происхождения) стоил 15 долларов за трёхчетвертную бутылку. Купили стрёмного вискаря, заказали отбивные. Продавец кликнул из подсобки двух амбалов и приказал им разогреть на углях закуску.

Парни уселись за один из трёх столиков, что размещались здесь же, возле прилавка. Разлили по стаканам пойло... и возникла короткая дискуссия. Сошлись на предположении, что именно так должна пахнуть смесь керосина с камфорным маслом, особенно если её замешивать в фекальной яме. Сделали по глотку... и невольно прослезились. Средство оказалось универсальным: хошь – пей, хошь – вместо скипидара используй. Отчаявшись справиться с мимическими мышцами, Стив с внезапной хрипотцой обратился к продавцу: «Приятель, не на этом ли топливе летают русские ракеты?» Неплохо было бы трахнуть эту бутылку об голову продавца, но рядом с ним крутятся два бугая такого же подозрительного вида, что и виски.

Вскоре к парням подсел местный любитель угоститься выпивкой. От него узнали много разного из того, что пропустили, отсиживаясь на берегу. Среди прочего Дэн (так звали того гаврика) поделился мыслью, что проблемы с наличными деньгами созданы правительством искусственно – для того, чтобы молодые парни вроде Эвана и его друзей шли в армию, а не ныкались по хазам да не собирались в банды. В армии накормят и кое-каких денюжат обязательно подкинут. «Если сейчас у кого водятся деньги, так это у военных», – с важностью аналитика с Уолл-стрит оповестил Дэн собеседников.

Ещё он рассказал, что русские взломали компьютеры на станции мобильной связи – да, некоторые операторы работали, хотя не повсеместно и с перебоями – и стали рассылать MMS и SMS сообщения дезинформирующего содержания. Якобы войну начали Штаты – сначала сбили самолёт с русским диктатором, а затем нанесли удар ракетами. Конечно, в такую чушь никто не поверил, а связь вырубил почти на сутки – искали взлом.

Между прочим, в лавке продавались карточки оплаты услуг сотовых сетей, но они были втрое, а для некоторых операторов – всемеро дороже номинала, да ещё десять долларов за подзарядку телефона, и то не по запросу, а по расписанию, дважды в день. Стив хотел позвонить матери, однако после недолгого раздумья отказался от этой затеи.

И быть бы нашей троице в армии, по закону о всеобщей мобилизации, да только судьба распорядилась иначе. Затосковал Стив, сильно затосковал. Потому что утопил он своё сердце в крови, поддавшись отчаянию. Мир, оказалось, не погиб, а он – сгубил берег своего Озера.

И ему, похоже, больше других хотелось ширнуться, чтобы забыть об утрате. Эван и Шеймус, понятное дело, тоже хотели кайфа – ломка ведь ещё не кончилась, хотя парням полегчало на эмоциях. В связи с тягой к кайфу и отклонились они от тропы войны.

Уже когда приканчивали вторую бутылку, а к компании присоединился ещё один любитель выпить и потрындеть, Эван спросил у Дэна, где можно купить ширева. Дэн не знал, но указал на человека, который мог быть в курсе. Звали того Саймон, жил в Стикстауне, в тридцати милях к востоку. Первоочередная жизненная цель компании обрела направление.

Ближе к вечеру парни обменяли мобильник Шеймуса на возможность нормально помыться и переночевать в номере мотеля. На следующий день рано утром Рэтлиф и братья Роксби, превозмогая обессиливающую головную боль и ощущая во рту вкус остатков несгоревшего ракетного топлива, отправились на восток.

Стикстаун был маленький городишко с одной почтой и отделением Атлантического банка в соседнем с почтой двухэтажном здании. Парни зашли в банк, чтобы снять наличные с карточек. Им предложили заполнить анкеты, после чего менеджер позвонил в центральный офис провинции, передал их данные, и объявил, что придётся подождать, возможно, два или три часа. И это для того, чтобы снять со счёта сотню долларов – в отделении теперь не выдавали большие суммы клиентам других банков. Для значительного снятия нужно было перевести счёт в Атлантический банк и ждать несколько дней. «Извините – война», – вздохнул менеджер.

Затем они отправились к Саймону. По адресу оказался не только дом, но и ломбард, которым он владел. Парней встретил наёмный работник и объяснил, что у хозяина ещё пять подобных заведений в соседних городках, и каждую неделю он их объезжает – как раз сейчас в отъезде и возвратится вечером. Тогда парни заложили мобильники и одну походную газовую плиту за шестьдесят долларов и пошли в ближайшую забегаловку подкрепиться.

Саймон вернулся домой уже когда стемнело. Парни к этому времени крепко поднабрались (и не только апокалиптических историй от аборигенов), завели знакомства среди местного шального элемента и даже вкурили шмаль. Кроме того, они снова побывали в банке и каждый получил обещанные сто долларов со своих карточек. Так что к ломбардщику они пришли с альтернативными вариантами решения проблемы ширева и в оптимистическом настроении (разве что Стив был ещё немного грустен).

Выслушав парней, ломбардщик сказал, что наркотиками не торгует. Когда же собрались уйти, спросил, куда они отправляются. Те ответили, что вернуться к машине, оставленной возле мотеля на окраине города, и в ней переночуют (денег на номер в мотеле у них нет), а завтра уедут, если смогут выкупить заклад. И уже Стив, выходящий за дверь последним, переступил порог, когда Саймон спокойным голосом, как бы между прочим, предложил:

– Вы можете переночевать в пустующем доме, он принадлежит мне. Недалеко, но тоже на окраине. Бесплатно. Только одну ночь.

Парни остановились, переглянулись.

– Ключ под ковриком на крыльце. Я могу сказать вам адрес.

Несколько секунд длилось молчание, а потом Роксби-старший поинтересовался:

– Мистер, почему вы это делаете?

Тот загадочно улыбнулся:

– Возможно, мы будем полезны друг другу в будущем.

– Добро, – кивнул Стив.

Ломбардщик назвал адрес и в двух словах объяснил, как туда добраться.

– Только у меня к вам настоящая просьба, – добавил он. – Идите пешком. Больше не выпивайте сегодня, держитесь как можно тише и незаметнее. Там электричество, вода, кровати с чистым бельём...

Парням требования показались странными, но возможность спокойно переночевать в нормальных условиях была весьма привлекательной, и потому они без слов удалились.

Лечь спать не успели. Стив брился, Эван и Шеймус только включили телевизор и прильнули к экрану, когда в дом вошёл незнакомец.

Это был дородный мужчина. На лице – медицинская марлевая повязка, снизу которой и с боков виднелась рыжеватая борода, глаза спрятаны за очками с тёмно-синими зеркальными стёклами. Чёрные брюки и ботинки, чёрная куртка с капюшоном, плотно прикрывающим большую голову на широкой шее. Голос его был груб, отрывист.

Он не представился, но едва озадаченные постояльцы собрались перед ним в гостиной, приступил к делу:

– Парни, ответ на ваше молчание такой: вас никто тут не знает, вы никого тут не знаете. А чтобы так и осталось, не надо лишних вопросов – просто выслушайте предложение.

Парням предлагалось проникнуть в дом, который укажет незнакомец, снять с одной из стен каминного зала три картины и привезти их к перекрёстку примерно в пяти милях к востоку от города. Условие: ничего не оставлять тут, не возвращаться в город. Вознаграждение – по тысяче долларов каждому и полфунта¹² ширева; авансом – коробок отборной марихуаны.

Парней ожидает машина, а в ней – униформа, противогазы, оружие. С хозяевами дома и картин поступать по обстоятельствам. Тачку они должны оставить на перекрёстке, от униформы избавиться позже, а оружие остаётся им.

Эван даже не колебался перед таким заманчивым предложением, но Стив, качая головой, промолвил:

– Опасное дело.

– Ловите шанс, – ответил ему незнакомец. – Камеры уличного наблюдения не работают, телефонной связи почти нигде нет, темнота, ваших лиц не видно, завтра будете далеко отсюда. Я объясню, как действовать, чтобы хозяин сам открыл вам дверь и впустил в дом.

Эван чуть подступил к товарищу:

– Стив, надо соглашаться.

Но тот всё ещё сомневался.

– В ломбарде остались наши вещи.

– О них никто не знает. Советую забыть и вам, – незнакомец смотрел исключительно на старшего Роксби.

– Выгодное дельце, Стив, – заметил Шеймус.

Помедлив несколько секунд, Стив сказал:

– Ладно. Объясняй, куда идти и что делать.

И они сделали всё так, как научил незнакомец. На пикапе с надписью «Rangers» подъехали к дому, постучали, позвали хозяина по имени, сказали, что следовало, а когда дверь отворилась, выстрелили в лаявшего добермана из пистолета с глушителем, уложили старика-хозяина на пол. Потом заставили умолкнуть старуху-хозяйку и служанку, тоже немолодую женщину. Всех связали, но так, чтобы они могли через некоторое время освободиться. Со стены в каминном зале сняли три картины. Без особой спешки покинули дом и доехали до указанного перекрёстка. Там стояла их машина, ключи от которой Стив отдал незнакомцу, перед тем как идти на дело. Сам незнакомец и с ним ещё двое ждали парней в большом чёрном «Шевроле». Стив отдал картины и получил обещанную плату.

¹² Больше двухсот граммов.

Глава шестая

За шесть лет шесть месяцев до дня А (часть вторая).

Спустя пятнадцать минут, ознакомившись с залом управления, президент и его свита снова были в коридоре с голографической улицей. А там генерал Мендоз просто открыл дверь напротив... и за ней оказался другой зал управления, совершенно идентичный первому, но тут находилось от силы человек двадцать и работало примерно столько же мониторов.

– Вот, как видите, господин президент, – говорил Хеллроут, – этот зал управления ничем не отличается от предыдущего, но он сейчас находится в резерве. Между собой мы его называем «левым залом» – он находится слева относительно центрального коридора. Здесь в настоящий момент проводятся технические работы и обучение персонала, а также несколько человек из резервной смены вызваны для участия в имитационных занятиях. К залу привязан собственный вычислительно-командный комплекс, но он не подключён к внешним мониторинговым каналам.

– Собственный?.. Так устроено на случай выхода из строя аппаратуры в другом зале? – спросил Брандт сцепляя руки за спиной.

– И да, и нет. Ещё одна причина – возможность обновления программного обеспечения и текущее обслуживание аппаратуры без отключения жизненно важных постов управления. Оба зала управления равнозначны. Когда здесь будет обновлено ПО, то следующая смена операторов постов займёт места в этом зале и приступит к выполнению обязанностей. А пока, если аппаратура не находится на обслуживании, тут можно проводить тесты, обучение или выполнять симулятивные задачи.

– Это та самая отработка глобальных ударов, который вы занимаетесь вместо рыбалки?

– Так точно, сэр.

– А от чего этот зал отключён?

– От каналов мониторинга. Или, как правильно называть, мониторингового сегмента стратегических сил.

– Радиолокационные станции?

– Да, сэр. Группировка орбитальных аппаратов, сеть радиолокационных станций по всему миру и даже онлайн-каналы специальных приложений, по которым агенты могут предупредить нас о подготовке атаки на Америку, – Хеллроут помолчал пару секунд. – Если желаете, господин президент, можете ближе познакомиться с нашей стратегической системой и потренироваться с «красной» кнопкой.

Немногословный Ситтем с улыбкой качнул головой, когда президент бросил на него взгляд, а тот сказал:

– Да. Почему бы нет? Всегда хорошо иметь развитые навыки нажатия большой «красной» кнопки.

Генерал Мендоз сразу же взял на себя обязанности дежурного по залу и стал отдавать распоряжения подчинённым. Все спустились ниже, к первому ряду рабочих мест. Президент сел в одно из кресел, ему включили монитор. Так же включили большие экраны. Генерал Хеллроут, садясь рядом с Брандтом, продолжал рассказывать:

– Есть возможность открывать посты вне рабочего зала управления. Скажем, в правом зале можно отключить пост плавучих радиолокационных станций в Тихом океане – и активировать его здесь. Но это только на случай аварий и иных осложнений.

Мендоз, который занимал пост дежурного по залу ближе к подиуму, подошёл и доложил:

– Сэр, системный администратор готовит к загрузке программу имитации – придётся подождать несколько минут.

– Хорошо, – кивнул Брандт.

Начальник командного центра отправился к своему посту. Хеллроут пояснил:

– Учебно-имитационные программы загружаются в систему в одном из блоков технического корпуса. Там работают наши программисты, инженеры – в общем, технические специалисты, обслуживающие компьютерную систему командного центра.

– А случаются атаки на систему?

– Нет. Управляющий комплекс связан с отдельными внешними объектами волоконно-оптическими кабелями, но они относятся к категории особо охраняемых. Через них поддерживается связь, например, с другими Командованиями, с «ядерными» чемоданчиками и так далее. Чтобы организовать атаку извне, надо сначала захватить эти объекты или взломать их компьютеры. Но такие действия практически бессмысленны. С недавних пор у нас и на многих других объектах стратегических сил начали применяться собственные программы, написанные на секретных языках программирования. В первую очередь на специальном языке пишутся коды драйверов различных устройств. Процессоры наших компьютеров имеют собственный алгоритм генерации битов, начиная с логических вентилях. . .

– Хеллроут! – президент строго взглянул на прокачанного цифровыми технологиями генерала. – Рядом с нами дам нет, но я не позволю вам так выражаться.

– Есть, сэр! – улыбнулся командующий. – В общем, ни одна из тех программ, что работает или создана на обычных компьютерах, здесь не запустится. При попытке установить её, система сообщит, что программа имеет нераспознаваемый код. Ну, а те машины, что связаны с внешним миром, не подключены к постам Командного центра. Поэтому противнику проще перебить кабели, попробовать нанести какие-то механические повреждения, вывести из строя обслуживающий персонал, чем организовать кибератаку на наши компьютеры.

– То есть взломать компьютерную систему наших стратегических сил невозможно, по крайней мере, в мирное время?

Хеллроут энергично мотнул головой:

– Извне – нет.

Брандт пристально на него посмотрел:

– Поясните.

– Человеческий фактор, господин президент. Он не позволяет нам отменить теоретическую возможность взлома. Если здесь на какой-то серьёзной должности окажется враг, то он может нанести определённый урон. Поэтому система безопасности на нашем объекте такая, какой нет нигде в другом месте. Ежегодно все наши сотрудники проходят тесты на «детекторе лжи», и один раз в два года каждый проверяется внезапно, по жребью компьютера. Вот, кстати, несколько дней назад генерал Мендоз получил такой жребий.

– И что показали тесты? – с улыбкой спросил президент. – Наш человек?

Усмехнувшись, генерал заметил:

– Надо сказать, наибольшая опасность может исходить от технических специалистов. К примеру, какому-нибудь программисту не нужны подручные, чтобы провести диверсию. Ввиду этого у нас довольно большое число служащих. Их разделяют разными способами, чтобы не допустить сговора, тасуют смены и, конечно, каждое задание проверяется и перепроверяется минимум двумя другими сотрудниками. При проведении любой обыденной операции всегда присутствуют два-три человека рядом с исполнителем, для контроля.

– Понятно, что теоретическая возможность взлома остаётся. А какие варианты? – президент поджал губы и побарабанил пальцами по столу.

– Халатный подход к контролю, пробелы в системе охраны секретов, сговор – всё может привести к проблемам. Но вероятность минимальная. Многие наши служащие, в том числе программисты, обученные секретным языкам, относятся к категории «янки вайт»¹³ – то есть

¹³ Yankey white – категория государственных служащих в США, допущенных к государственной тайне особой важности.

они находятся под круглосуточным контролем, как с помощью спецсредств, так и под оперативным наблюдением спецслужб, а выезд в ограниченное число союзных стран визируется высшими лицами государства, в том числе вами. Однако, господин президент, – Хеллроут развёл ладони, – наша служба безопасности работает, и даже несколько раз обезвреживала вражеских шпионов.

– Сюда проникли?

– Нет, из числа работников наземных объектов...

В этот момент изображение на экранах изменилось, Мендоз поднялся из-за стола на своём посту, обернулся и объявил:

– Господин президент, учебно-имитационная программа загружена в систему. Желаете начать?

– Да, генерал, командуйте.

– Есть.

Он сел, надел наушники. После этого из громкоговорителей под большими мониторами послышались его команды:

– Внимание! Начинаем отработку учебной задачи. Посты четыре, пять, шесть, семь, девять, тринадцать – принять вводные. Посты три, восемь...

Мендоз продолжал отдавать распоряжения, а Хеллроут, наклонившись к Брандту, сказал:

– Сэр, несколько минут будут вводиться данные, делаться сверки и обрабатываться обратная связь. Вы войдёте в процесс позже других. Но обратите внимание на диаграмму в правой части синего экрана. Так... Давайте выведем её на ваш монитор.

Он нажал две клавиши, и на экране перед президентом появилось окно с несколькими таблицами. Одна из них представляла собой столбец с градацией от нуля до ста, и границы десятков снаружи обозначались соответствующим числом. До уровня двадцать три столбец был заполнен цветом, из ярко-зелёного постепенно переходящим в желтизну.

– Это так называемая «диаграмма триггеров», – понизив голос пояснил Хеллроут. – Она не так важна для дежурных на постах, как для вас, и вообще для высшего руководства Соединённых Штатов.

Президент Брандт внимательно слушал генерала, время от времени, кивая. Прислушивался и министр обороны, туловищем подавшись в их сторону.

– Чем выше значение шкалы, тем она краснее, и тем опаснее ситуация. А значение складывается из числа сработавших специальных включателей – триггеров. Всего их – около двух сотен. За каждым срабатыванием триггера – некое событие. Если события нет, то шкала стабильна, если событие происходит – триггер дополняет её определённым значением. Не все события равнозначны. Некоторые оцениваются в четверть пункта, другие в пять. Большинство триггеров получает данные в автоматическом режиме, снимая информацию с каналов мониторинга, но некоторые включаются вручную.

– Например, – сказал Брандт.

– Например, вы, сэр, видели, как замерцал символ на экране, когда космический аппарат менял орбиту. Это событие. Но такие манёвры совершают каждый час несколько аппаратов, и в большинстве случаев они никак не воздействуют на работу соответствующего триггера. Однако, если спутник противника склоняет свою орбиту к тому месту, где нами проводится какая-то операция... например, испытание нового оружия на одном из тихоокеанских полигонов... то оператор соответствующего поста фиксирует корректировку орбиты или выделяет космического шпиона определённым образом. Такое событие уже фиксируется триггером. Взлёт русских бортов стратегической авиации, перемещение дивизии противника к границе с НАТО, запуск межконтинентальной ракеты, манёвры флота, аварийное отключение любого «ядерного» чемоданчика в мире – всё это приводит к срабатыванию триггера и отражается на шкале.

– Во всём мире, говорите?

– Наша система индексирует и отслеживает все командные портативные терминалы¹⁴, которые есть в мире. Когда вы, сэр, принимали свой портативный терминал, вас инструктировали и сообщили, что он постоянно генерирует периодический сигнал, независимо от того, используется ли он или хранится в боксе спецсвязи. Но есть важный момент, который не входит в инструкции. В первую секунду после активации нового терминала и в последнюю секунду функционирования (когда его утилизируют на заводе) он подаёт особый сигнал, который отличается от постоянного. Это всеобщая практика, перенятая у Соединённых Штатов. Если сигнала дезактивации не было, а передача какого-то терминала оборвалась, то мы повышаем уровень внимания. И так делают все члены «ядерного клуба» и ещё ряд государств. Потому что это может означать начало войны, покушение, гибель или захват ответственного лица, взлом кодов и прочие опасные события. Думаю, вам, сэр, такие подробности не важны, но операторы вашего персонального командного терминала могут рассказать о них.

– Ну да... понятно, – кивнул президент. – А каково опасное значение шкалы?

– Думаю, если шкала наполнится до пятидесяти, то вы соберёте Совет безопасности, чтобы срочно решить вопрос войны и мира. Но ещё на уровне тридцати пунктов начнёте получать разного рода тревожные сообщения. На данный момент, и с того времени, как эта диаграмма стала применяться, наивысший уровень был в районе тридцати пяти пунктов – это залповый запуск межконтинентальных ракет русскими со своей подводной лодки. Немного ниже был уровень во время противостояния с китайцами из-за островов.

Командующий стратегическими силами замолчал, окинул взглядом большие экраны, затем сказал:

– Сэр, нам пора входить в процесс. Сейчас потребуется моё участие, затем – министра обороны, потом – ваше. Надо переключить мониторы в режим отображения коммутатора спецсвязи, – он протянул руку к клавиатуре президента и нажал одну из кнопок.

¹⁴ Командный портативный терминал стратегических сил – официальное название «ядерного» чемоданчика. «Ядерный» чемоданчик – русский термин. В США КПТ носят несколько иных обиходных названий.

Глава седьмая

Приехали по указанному в телефонограмме адресу. Рахматуллин оставил Кинулова и Паркову ждать в уазике на стоянке возле КПП, а сам с Кадушкиным отправился на территорию учебки. Начальник караула, выслушав Ильяса, сообщил о прибывших дежурному по части. Уже через минуту они в сопровождении солдата из караульного наряда следовали к зданию штаба.

Там их встретил дежурный и провёл к кабинету начальника штаба.

Это была комната с широким окном, возле которого стоял стол с компьютером. Напротив – большая карта области, от неё слева в углу – шкаф с документами, справа возле двери – питьевой кулер. В центре комнаты – два стола буквой «Т»: один – хозяйский, с тумбочками, заставленный стопками бумаг и канцелярскими принадлежностями, другой – для посетителей, самый обыкновенный.

Хозяин кабинета майор Гамидов – невысокий кряжистый мужчина с чёрной щёткой усов на высоком надгубье, – вышел из-за стола навстречу Рахматуллину и Кадушкину. Когда Ильяс отрапортовал, он подал руку обоим и пригласил к столу: «Садитесь».

Заняв своё место в коричневом кожаном кресле, он сразу начал:

– Ввожу вас курс дела. Произошло это, – он посмотрел на наручные часы, – почти пять часов назад. Однако. Долго вы добирались. Обнаружили тех двоих случайно. Калибровали после ремонта «Иронию»¹⁵... знаете, да?.. и в сектор наблюдения попался один. Сначала приняли за животное, лису или собаку. Потом к нему второй приблизился. Прапорщик, который работал с прибором, заподозрил, что это кто-то наблюдает за нашей частью. А к нам, кстати, на прошлой неделе пополнение прибыло – дивизион спецназначения. В общем, решили приглядеться получше. В ДС-1¹⁶ кое-что рассмотрели, а тут один воин... ити его кочергой... взял и светанул в ДАК-2М¹⁷ – и вспугнул касатиков. Видно было, как те отползли и дёрнули в зелёнку. Тут уж какие сомнения? Подняли тревогу, выслали в точку обнаружения дежурный взвод. У нас здесь ещё пара овчарок есть – одну из них тоже следом пустили на поводке. Она и нашла работу для вас, дорогие товарищи из контрдиверсионного отдела.

Он встал и подошёл к компьютеру. Подвинул мышку и, загоразивая клавиатуру, ввёл пароль. Оборачиваясь, майор пригласил жестом Рахматуллина и Кадушкина: «Полюбуйтесь».

Пока те подходили, Гамидов вывел на экран изображение: фотография двух сизоватых блестящих предметов. Один – в виде простого цилиндра, другой напоминал шприц без иглы. Рядом лежала обломанная с двух концов ветка и спичечный коробок, по которому можно было определить, что предметы имеют длину сантиметров пять-шесть, а диаметром не более сантиметра.

Майор указал на подобие шприца:

– Это контейнер с отравляющей жидкостью. А трубка – скорее всего, предохранительный колпачок. Уходя, они просто обрызгали лежавшую на земле ветку. Собака добежала до места первой, понюхала ветку... и всё. Хорошо, что бойцы сразу поняли, в чём дело. Ну, там был опытный человек. Поэтому погибла только собака. Меньше чем за две минуты. Наши химики взяли мазки, пробы грунта и воздуха, и отправили вместе с контейнером и трупом собаки в химват. Вещество предположительно нервно-паралитического действия, сходное с Ви-Экс. Вторую собаку после этого мы, конечно, пускать по их следу не решились, – он едва заметно

¹⁵ Оптико-электронный комплекс разведки.

¹⁶ Артиллерийский стереоскопический дальномер.

¹⁷ Квантовый дальномер.

пожал плечами. – Ушли. Здесь зелёнка не очень густая, рота наших курсантов прочесала местность, но ничего не обнаружила. А теперь уже почти темно. Возможно, они прячутся в деревне.

– Или у них было средство передвижения где-то недалеко, – заметил Рахматуллин, вслед за майором возвращаясь на своё место за столом. – И группа их, возможно, больше чем из двух человек. Не заметили ваши люди автомобиль или свежие следы шин?

– Об этом не докладывали. Надо узнать.

– Могли и по речке уйти. Звука моторки тоже не слышали?

Майор сжал губы, неопределённо повёл руками:

– Надо вам поговорить с теми, кто участвовал в преследовании и наблюдении. Они уже сменились из суточного наряда и, кажется, ужин у них тоже закончился. Я дам задание посыльному, чтобы он проводил вас в расположение.

– Спасибо. Но я ещё хотел вас попросить... Нам бы переночевать здесь. Пропитание у нас своё...

– Конечно. Оформляйтесь в канцелярии – я подпишу пропуск, – он указал на гостей. – Двое, да?

– Четверо. Одна женщина, трое мужчин.

– Значит, одно место отдельно. Помещений у нас достаточно, и в ДОСе¹⁸ и на территории. Сейчас я распоряжусь, – он поднял трубку телефона внутренней связи.

– Лучше здесь, в пределах части.

Гамидов распорядился выделить два помещения, бельё и прочее.

– Ну вот, – сказал он, кладя трубку. – Оформляйтесь, я подпишу пропуска, а потом вас проводят на место. А почему в ДОС не хотите?

– Диверсанты ночью могут снова появиться вблизи охраняемой территории, чтобы провести наблюдение или установить следающую аппаратуру. Маловероятно, но если они спешат, то вынуждены будут рискнуть. Дополнительные меры по охране и наблюдению вы, конечно, приняли...

– Конечно.

– Товарищ майор, разрешите отдать распоряжение, – и Ильяс, доставая из офицерского планшета листок с данными своего отделения, обратился к Кадушкину: – Оформляй пропуска и жди меня на крыльце.

Взяв листок, Кадушкин обронил: «Есть» – и вышел.

– Хочу быть рядом, если ваши люди поднимут тревогу, – сказал Рахматуллин Гамидову. – Надо ещё предупредить радиоцентр¹⁹, чтобы он немедленно сообщал о любых сигналах на диапазонах натовских и израильских дистанционных наблюдательных комплексов.

¹⁸ ДОС – дом или дома офицерского состава.

¹⁹ Отдельное подразделение радио-электронной разведки, дислоцированное вблизи Шиловского полигона.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.